

ГРАНИНА ОСЕНЬ

Павел
КРЕНЁВ

г. Москва

рассказ

РОССИЯ

В конце 1918 года Граня Калинина, статная, красивая девушка, ступила на архангельскую землю. Прибыла она с первыми заморозками, когда размазня осени с её дождями, расхристанными дорогами и простудами сменялась первыми холодными ветрами, строгой прохладцей ясных морозных утренников, просвеченных тускловатым светом розового солнца, висящего над маревным горизонтом. Девушка расхаживала по архангельским дорожкам, и под ногами у неё тонкими стеклышками позванивал лёдок, хрупкий и трепетный, словно хрустальные пластинки, вставленные в изысканную раму молодой и нежной северной осени.

Румяные щёчки восемнадцатилетней Грани пылали от тронувшего их лёгкого морозца, а серые глаза широко, с любопытством смотрели на мир. Ей, деревенской девушке, в городе было занимательно всё: дорогие деревянные дома купеческой знати — таких домов её деревня сроду не выстраивала, причудливые резные ставни, деревянные тротуары, необычно огромные шумные и драчливые голубиные стаи, водяные колонки, лихие извозчики, торговые платяные и пищевые лавки... Обилие карманных воришек, от которых не было отбоя, — уж чего никогда не бывало в Граниной деревне. Там даже на домах никогда не вешали замков. Казалось бы, заходи любой человек и бери чего в доме имеется. Но никто не заходил и ничего не брал без спроса. А тут, в городе, отвернись только — и уже что-то да спёрли.

И ещё удивляло Граню множество иностранных военных. Их было настолько много, что, казалось, они всюду и от них нет никакого спасения, что они навсегда в этом северном городе.

Тётушка Гранина пребывала в плохом состоянии. У неё был туберкулёз, и развивался он уже давно — года эдак два. Дыхание старушки было тяжёлым, она уже мучилась и никуда из дома не выходила. Граня всё время была рядом с ней. Не приведи господи умрёт родной

человек — и что же дальше? Работы у Грани нет, из комнаты, где она не прописана, придётся съезжать.

Она много раз слышала, что многие женщины, в особенности красивые, у которых нет мужей и семьи, находят себе богатых кавалеров и те содержат их. Живут потом такие женщины безбедно. Но Гране это не подходит. Она серьёзный, трудолюбивый человек, тем более приехала из деревни. А сельские девушки особо берегут свою честь для будущего мужа. У неё и в мыслях не было в городе чинить какие-то вольности и разврат.

Понимая, что развязка будет совсем скоро, Граня, занимаясь домашними делами, часто-часто подходила к тётке, разглядывала её бледное лицо, наклонялась и слушала: дышит ли она, не ушла ли жизнь из её впалой груди. Разговаривала тётка с трудом, еле разжимала высохшие губы и, нелепо, болезненно улыбаясь, шептала что-то малопонятное, порой и вовсе невразумительное. Граня лишь изредка понимала смысл её горячего шепота.

«Выживи, девочка, люблю тебя!» — отчётливо попросила тётка однажды. Потом ещё что-то шептала, но смысл произнесённых родственницей слов остался непонятным для Грани. В тот последний момент общения с единственным родным человеком Граня отчётливо осознала: тетушка действительно вот-вот умрёт, а в этом большом городе она останется совсем одна.

Перед смертью тётка не смогла ничего сказать племяннице. Лежала тихо-тихо на стареньком диванчике, даже не кашляла.

«Должна же она хотя бы кашлять, — размышляла полуживая от усталости Граня, — у неё же все дыхательные пути забиты чахоткой...» Она подкрадывалась к кровати, наклонялась, дыхания не было слышно, но поднесённое к губам зеркальце слегка запотевало. Тётушка дышала! Граня истово молилась, просила у Матушки пожалеть, помиловать и родственницу, и рабу Божию Аграфену, не бросать их в суровых испытаниях.

У тётушки уже не было сил кашлять. К вечеру она стала захлёбываться от кровохарканья. Уже под самое утро Граня, уставшая, изнемогшая, наконец забылась во сне. Ей казалось, что она проспала совсем немного, но

проснулась от овладевшего ею ужаса. Прямо во сне Граня вдруг почувяла, что любимой тётушки больше нет.

И правда, та лежала с полуоткрытыми остекленевшими глазами, устремлёнными в потолок, будто что-то высматривала там. Может, она искала пропавшие, несбывшиеся мечты своей затерявшейся в далёких годах молодости и одинокой жизни, разглядывала там розовые отблески растраченной среди людей нежности и доброты... прошедшей мимо любви, обдавшей теплом сердце, но так и не согревшей душу... Любовь тётушкину, Граня знала, съела война и не подавилась, проклятая.

Племянница вызвала врача, чтобы засвидетельствовать смерть. Долго рыдала на своей кровати в углу комнаты тётки. Затем плакала на похоронах.

Тетушка из-за своей болезни не оставила племяннице никаких документов или завещания, дающего право на проживание по её адресу, поэтому Граня осталась в городе одна-одинешенька, без крыши над головой, без средств к существованию.

Теперь она сидела на лавочке в городском парке. Морозное солнце холодного дня падало за горизонт. В голове у неё был сумбур от безысходности. Надо бы возвращаться домой, но это невозможно: ей не добраться сейчас до родной деревни, к тому же без напарников. Транспорта нет никакого, да и какой может быть транспорт, если в карманах и в подорожном мешочке гуляет ветер? А идти пешком до дома нужно сто пятьдесят километров. Сейчас, в наступившие морозы, такой путь в одиночку по диким лесам с волками равнозначен смерти.

Остаться в Архангельске тоже невозможно — Гране уже поступало два предупреждения от жилищной конторы с требованием освободить комнату. В любой момент могла нагрянуть милиция и выбросить её на улицу вместе со скарбом. В Архангельске очень не хватало жилья для нахлынувших в город беженцев.

Что было делать Гране? Она сидела в парке на скамейке в худом пальтишке и стареньких истертых сапожках с полуоторванными подошвами. Ей было холодно и голодно. После

тяжелых раздумий Аграфена решила: ей нужно умереть. Другого выхода она не видела: работы в городе ей не найти, жить негде, еда кончилась и не предвидится. Нищенкой и побирушкой она не будет никогда. А просто взять и умереть — значит освободить себя и других от её голодных страданий, от ненужных никому хлопот. Так она решила и, голодная, полужамёрзшая, свернулась калачиком на холодной от вечернего морозца скамейке.

Мимо проходили два архангельских парня. Это были работяги шлюпочного завода, что на реке Кузнечихе. У них была ночь безделья. Не поступили пиломатериалы для корпусов лодок, и эти производители речных шлюпок проиграли всю ночь в карты. Теперь им хотелось размяться, разогреть молодые кости... Увидев лежащую на скамейке девушку, придурки испытали сладкое предвкушение.

— Девка, ты чево разлеглась? Пойдем-ко с нами.

Один подошёл к ней и потряс за плечо.

Граня прекрасно понимала, чего они от неё хотят. Она закричала — визгливо и громко, словно стержовная бабёнка в момент истерики. Вскочила со скамейки и, растопырив, словно кошка, пальцы, бросилась на молодых негодяев. Глаза её были бешеными и переполнены решимости разорвать в клочья любого.

Парни отпрянули, отпрыгнули назад, и один визгливо проорал:

— Валим отсель, а то глаза выцарапат, дура!

И они попрыгали прочь от опасного места.

А Граня опять устроилась на скамейке. Ей в самом деле некуда было идти. Через час она совершенно замерзла и уже с трудом иногда пошевеливалась. Суставы её перестали разгибаться. Она лежала, тряслась от дрожи и думала: «Ну и хорошо, что так... Ну и слава Богу... Значит, скоро уже всё закончится...»

Некий мужчина проходил мимо неё. Он был в шинели иностранного покроя. Подошел к Гране, обездвиженной, окоченевшей. Присел рядом, коснулся девичьей щеки и понял, что она замерзает. Сердце её еле-еле трепыхалось в груди в слабых, вялых импульсах. Затухающее сердце...

Незнакомец вышел на центральную городскую магистраль — Сергиевский проспект и ос-

тановил экипаж. Заплатил кучеру и попросил его малость подождать. Затем вернулся к Гране, поднял её и на руках перенёс в карету. Там укрыл её хранящейся под сиденьем попоной, и они тронулись. На самой окраине Архангельска подъехали к серому зданию, двухэтажному, малозаметному среди других.

Мужчина в шинели выскочил из экипажа, подошел к входной двери и постучал.

— Кто там? — слышался с другой стороны женский голос.

— Это я, Эдвард.

— А, Эдик, заходи.

Открылась дверь. На пороге стояла очень толстая женщина и куталась в меховую накидку.

Эдвард сказал ей:

— Подожди, Жанетта.

Он подбежал к экипажу, а вернулся к дому с молоденькой девушкой на руках.

— Это кто? — поинтересовалась Жанетта.

— Не знаю. Надо... хелп, — почти в приказном тоне заявил Эдвард. — Она была одна... здесь... форест... Она хэв гот сириос колд... замёрз она...

Уже поднаторевшая в английском Жанетта воскликнула:

— А-а-а! Дак всё ясно, замерзла девка! Давай-ко, деушки, оттирать надоть красоту етту. Могёт быть, жива она!

Эдвард к тому моменту уже удалился по своим делам. На зов прибежали ещё две «деушки». Они отнесли Граню в комнатушку, там быстро скинули с неё всю одежду и минут десять натирали её тело древесным спиртом. Натирали сильно, упорно, мощными толчками вдавливали в Граню огненную жидкость.

А Жанетта исподволь любовалась юным, плотным, совершенным телом красивой поморки, завидовала её свежести, прищёлкивала языком и вслух мечтала:

— Вот бы мне тако тельце хоть на недельку. Я бы всех мужиков приворожила. Все бы передо мной ползали, гадёньши. А то вишь, морды от меня воротят сукины дети. А я ведь така же баба... можа, ишше лучшее местами других-то...

Очнулась Граня в публичном доме. Перед ней, лежащей на тахте, сидела грузная женщи-

на с уложенными в прическу волосами и одутловатым лицом и била её по щекам. Шлепала не сильно, так уж — слегка. Граня вытянула вперёд правую руку, пытаясь прикрыть лицо от этих шлепков, и они сразу же прекратились.

— А-а, красotka, очухалась? — спросила, обрадовавшись, полная женщина. — Мы тебя, дорогуша, в чувство приводим. — А то ты чиканулась маленько... помирать собралась в таки-то годы. — Говорила она высоким голосом со смешной для нормальных людей опереточной манерой, что никак не вязалось с её массивной внешностью. — Присаживайся, разговаривать будем с тобой. Рассказывай, как да чего? Откуль ты, дева? Как в домике любви оказалась?

Говорила она со своей интонацией бабёнок, которые давно перешли обозначенную приличием черту и теперь занимаются похабным, но доходным делом. При этом добродушно шурилась и подмигивала девушке, как своей заединщице.

— Какой такой дом любви? Где я нахожусь? — слабым голосом спросила Граня.

— Ты чего, не разобралась ешшо, где находишься? Публичный дом ето, вот что.

У Грани не было сил, чтобы возмутиться или воспротивиться. Она смогла только прошептать:

— Есть я хочу сильно... и пить.

— Не заслужила ешшо еного. Заработаешь — тогда и пожрёшь. Зря мы, что ли, тебя к жизни вертали?

Граня поняла, что здесь ей не жить. Надо уйти отсюда поскорее.

Она не представляла, где находится её одежда. С трудом поднялась с кровати и, босая, в одной сорочке, сделала шаг к выходу. Неуверенный короткий шаг. Второго шага ей не удалось сделать. Она пошатнулась, повело вперёд... С усилием выпрямилась, затем её закачало, и Граня упала навзничь, ударившись затылком об пол.

Толстая женщина в доме терпимости именовалась Жанеттой. К слову, все насельницы публичного дома именовались «красивыми» именами, чтобы клиентов не шокировать простонародными Клавами, Парашами и Нюрками. «Не то у посетителей отбиваются всяки там желания», — полагала сама Жанетта. Так вот теперь она вскрикнула и бросилась к

Гране, тут же быстро сдернула с крючка полотенце, смочила холодной водой, выжала его и положила ей на лоб.

Потом Жанетта побежала за хозяйкой Розалией, которая на ту пору была с клиентом, бывшим поручиком, обычно довольно сердитым и крикливым офицером. Однако же он являлся клиентом постоянным, поэтому не поднял шума, когда у него из-под носа увели постоянную же подругу, хотя дело было ещё недоделано. Но причина была весьма как важная: умереть мог какой-то человек, находящийся в заведении, и, если бы это произошло, неприятности возникли бы и у самой Розалии.

Граня очнулась, когда ей дали подышать нашатырем. Потом её насильно, как младенца, с ложки кормили манной кашей. Она поела и, совершенно усталая и измученная, крепко уснула.

Наутро к Гране пришла Розалия.

— Ну чё, деушка, будёшь у нас работать? — спросила.

У неё был чисто поморский выговор. «Землячка, значит», — решила Граня, это её немного успокоило.

— А чё делать-то надо? — спросила она.

— Чё да чё?! Не уразумела, чё ль? С мужиками спать надоть, на прожитьё нам всем копеечку зарабатывать.

Аграфена глянула на хозяйку взглядом дикарки — недоуменным и возмущённым.

— Да я лучше сдохну! — Граня даже сплюнула от возмущения.

— Ну, ты порато не торопись сдыхать-то, дева. Пospешь ешшо подохнуть... — урезонила Розалия. Она внимательно глянула на Граню. — Так ты чево, целочка, што ли, коли так трепыхаиссе? — Граня притихла и молчала, а Розалия, привыкшая ко всему, многоопытная, бесконечно циничная, рассуждала: — Все мы были когда-то... тоже трепыхались... а жись научила по-другому. Ничего, не померли. И ты не помрёшь... — она повздыхала, потом сказала прямо: — Решай, Аграфена. Я почему к тебе прицепилась и приняла от англичанки, который тебя приволок, — видна ты девка! На ты мужичок-от попрёт сюды, деньгу хорошу заробишь. Да и нам всем крепка при-

бавка будет. Ну, худо ли? — она маленько помолчала и сказала опять без обиняков: — Рядить тут долго некогда, дева, решай: или работай, как все, и копеечку в одну кучку со всеми складывай, а нет, дак вон бог, а вон порог! Можя, где тебе полегше жись достаничче. Туда и попадай, а у нас тут дармовшинки не бывает, — затем она поднялась со стульчика и объявила: — Даю тебе, сладенька, два часочка. Прикинь, чё лучшее тебе. Зайду, но ежели не решишь ничево, штебы тебя уж не было тутогде. Осерчаю, коли не так.

Когда хозяйка вышла за порог, Гране нечего было впустую размышлять: обитательниц этого заведения она глубоко презирала. У населения были для них только такие имена: потаскухи, проститутки да шалавы и ещё те, которые и произносить-то стыдно среди приличных людей. Девушке, еще не познавшей настоящей любви, омерзительно было и думать о том, чтобы она могла встать с ними в один ряд.

Граня собрала скудные свои вещички, растелила платок, привезённый из деревни, и аккуратно положила в него весь свой скромный скарб. С этим узелком в хиллом пальтишке выскочила на улицу.

На обочине она долго стояла, разглядывая людей, дома, телеги и повозки. Граня не знала, куда пойти. У неё умерла любимая тетушка, ей негде жить, нет ни родни, ни друзей, ни знакомых, ни одной родной души... Работы тоже нет.

Она побродила по городу. Архангельск теперь казался ей совсем чужим, даже враждебным. Куда-то запропастились привычные лица прохожих, которые раньше попадались на пути. На улицах как-то неторопливо прохаживались одни только иностранные военные. Откуда их столько взялось?

Куда идти, куда спрятаться от безысходности? Как пережить этот холод? Наверное, думала Граня, холод и убьёт её, от него нет спасения. Она вдруг вспомнила опять тот самый парк, в котором чуть не погибла от холода. Вспомнила спасительную идею о смерти. Может, это и есть выход из её тягостной беды?

Граня вновь пришла в парк. Она села на ту же скамейку, на которой смерть уже дыхла ей в лицо, и стала ждать. Но смерти всё не бы-

ло. Вместо неё пришли двое молодых полюбоборванных парней. Они насильовали Граню, били и опять насильовали. Дул холодный ветер конца сентября, стояла чёрная северная безлунная ночь. Граня отбивалась и пыталась кричать, но её избили так, что она не могла двигаться и с трудом шевелила порванными губами. Никто её не услышал.

В Архангельске стояло безвластие начала интервенции. Стражи порядка бездействовали, и даже вооруженные военные патрули опасались заходить в глубину этого бандитского парка, поэтому шпана, напавшая на Граню, чувствовала себя безнаказанно.

Эдвард лучше понимал русский язык, чем на нём разговаривал.

— Где тут девушка? Я имель принести хё это место. Где она? Она былъ тут.

В публичный дом он пришёл, чтобы навеситить спасенную им русскую девушку. Та была очень плоха, когда он вынужден был её покинуть по срочным служебным делам.

Эдвард Сансет был впечатлительным человеком. Он догадался, что девушка пыталась лишиться себя жизни, когда он нашел её в парке на скамейке. И вот он пришел навестить её там, где оставил. Но Граня ушла оттуда. Розалия и Жанетта понятия не имели, куда отправилась Аграфена. Обе они лишь разводили руками на вопросы Эдварда.

Что ему оставалось делать? Начал он с того, что пошел туда же, в парк, к той же скамейке. Другого ему не оставалось, ведь он ничего не знал о той девушке.

Когда Эдвард приближался к знакомой скамейке, ещё скрытой от его глаз деревьями и кустами, ему послышались мужские голоса и сдавленный женский стон. Прислушиваться было некогда, Эдвард ускорил шаг.

Увиденное его потрясло. Это явно было изнасилование. Один мужчина со спущенными штанами подмял под себя женщину, лицо которой было в крови. Вдавливая её всем телом, насильник делал своё дело и попутно наносил жертве удары. Она, уже измождённая, из последних сил сопротивлялась. Парень закрывал левой ладонью рот жертвы, чтобы заглушить крики, а правой все бил и бил. Другой прес-

тупник держал её голые ноги, чтобы жертва не вырвалась.

Эдвард не любил, когда сильные бьют слабых, ему в детстве самому много доставалось от старших ребят. Когда Эдвард подскочил к ублюдкам, один из них — тот, который держал жертву за ноги, — выхватил нож. Но военный был готов к такому повороту: не зря занимался в клубах Англии борьбой джиу-джитсу. Он поднырнул под нож, перехватил руку нападавшего и нанес ему сокрушительный хук в челюсть. Тот рухнул на землю и подняться не смог.

Тут же Эдвард ринулся на второго бандита. Он стащил его на землю и по-простецки, по-мужицки отпинал его. С этим обошлось безо всякого джиу-джитсу. Забитых до полусмерти подонков Эдвард связал ремнем и свалил в придорожную канаву.

На скамейке лежала Граня. Глаза её, заплывшие от слёз, ударов, едва приоткрывались. Эдвард сразу узнал её — ту, которую однажды уже спас на этом же месте. Сейчас он спас её во второй раз. Тяжело поднявшись, она села на скамейке и, привалившись к плечу спасителя, чтобы не упасть, что-то благодарное стала шептать ему разбитыми губами. В этом потоке слов он разобрал своё имя — значит, она узнала его, значит, запомнила, как его зовут.

Искалеченную Граню в обморочном состоянии Эдвард принёс туда же, куда и в первый раз, — в публичный дом, где его опять встретили старые его знакомки Розалия и Жанетта. Они опять суетились вокруг лежащей без сознания Аграфены, обрабатывали её раны, сочувствовали ей и ругали за то, что она «такая непослушница», что «не хочет жить, как все», а «суётся, куда не следоват», а «все ей жалеют» и «все из-за ей страдают».

Шло время, почти год пролетел. Граня так и осталась в публичном доме. Раны на теле её зажили, а уходить куда-то она уже побоялась. Пришлось жить и работать так, как того требовали обстоятельства. Ей нечего было больше ждать от жизни.

Была у Грани когда-то любовь — с деревни ещё. Да только желанный ею с юности Артемий Разбаков куда-то совсем запропастился.

Больше года назад уехал он из деревни, не было от него никаких вестей. И это тяготило Аграфену более всего. Неужели позабыл вовсе? А может, нашёл другую зазнобу? Почему он не разыскал её до сих пор?

Тяжёлым грузом лежала на Гранином сердце мысль, что не смогла, как мечтала, сохранить для любимого свою девичью честь. Пусть и не было в этом её вины, но назад не воротись... Как она посмотрит в глаза своему Артемьюшку? Что ему скажет? И самое главное: каков его ответ будет, если узнает, что с ней случилось?

Граня знать не знала, что и Артемий тоже не может её забыть, что ищет её где только можно... Но как ему найти свою любушку в самом неожиданном месте — в публичном доме? Такой поворот ему и во сне не мог присниться. Да и сама Граня представить не могла, какое ещё испытание уготовит ей судьба.

* * *

Подступила осень 1919 года — тяжелая для России пора. Это было время решающих военных столкновений с войсками Антанты. С лета прошлого года интервенты — с ними и появился в Архангельске англичанин Эдвард Сансет — продвинулись вглубь страны. Планировали они по северным рекам дойти до Вологды, чтобы соединиться с белыми войсками Деникина, Врангеля, с отрядами восставших чехов. А дальше должны были собраться в единый кулак белые, вооруженные интервенты, самостийные формирования «зеленых» и ударить единым фронтом по «красным» в центральной России, чтобы разбить их.

Да только надеждам этим не суждено было сбыться. Большие противоречия имелись в этом «кулаке», не могли они, антисоветские силы, сплотиться и действовать согласованно, потому и единого результата не было. Не имели они и единого руководящего центра, оттого все фланги тянули одеяло на себя — каждый хотел победу записать на свой счёт. Так и получилось: сила в «кулаке» есть, а победы не видать, потому что ставили они порой противоположные задачи.

Белогвардейцы жаждали уничтожить нена-

вистных им большевиков, оттого и пошли в поход вверх по северным рекам, чтобы соединиться с другими антисоветскими силами и вместе напасть на советские войска. Эта попытка и привела к проигрышу всей кампании. А сообщники — английские и американские интервенты — по приказу своего командования в голове держали иное: им надо было вернуть военное имущество, завезённое в Россию их государствами перед войной с Германией, а заодно и награбить как можно больше российского лесного сырья и прочего, чтобы вывезти к себе на родину. Так что война с большевиками в их планы и не входила. Да и не умели чужаки воевать против русских, хоть и тактику их изучали, суровые условия Поморья учитывали и особенности характера местных. Не под силу им оказалось сломить сопротивление поморов, поэтому вынуждены были иноземцы уйти с северной земли.

Убегая из России, по пути они «подметали» всё, что плохо лежало. Что тут поделаешь? Англия и Америка — дело известное — давно поднаторели в грабежах чужих стран, и тут грех упускать... Так что пока англичане, американцы, а вместе с ними и французы стояли в Архангельске и Мурманске, всё и гребли, что можно было вывезти. Подчищали они склады военного имущества, продовольственные и оружейные. Оттуда изымались остатки той помощи, которую страны Антанты совсем недавно, в Первую мировую, завезли в Россию, чтобы поддержать в войне с общим врагом — Германией. Тогда в Архангельск и Мурманск завезли около пяти миллионов тонн различных грузов. А нынче, пользуясь всеобщей неразберихой и слабостью ослабленной войной России, Антанта изымала — по сути, воровала — привезённое ранее имущество и тайно увозила его в свои страны.

В то время, пока интервенты стояли в России, с их подачи и появились здесь публичные дома. В отсутствие чужаков эти «заведения» были брошены на произвол судьбы.

Во второй половине сентября интервентов и «белых» прогнали с Севера. Уже «красные» наводили в Архангельске свои порядки. Комиссары выявляли сотрудничавшую с «вра-

гами революции» контру и немилосердно карали её.

У ЧК разговор был короткий: если через недавно завербованных ею «негласных источников» устанавливалось сотрудничество кого-либо с оккупантами, его немедленно помещали в специально выделенную и обустроенную для этого тюрьму. Там был допрос, чтобы выявить факт контакта арестованного с интервентами. С белыми или же установленными контрреволюционерами. Если контакт подтверждался, в суть его никто не вникал. Без разбирательств заключенного отправляли на Мхи, а там постоянно дежурила расстрельная команда, которая приводила приговор в исполнение.

Это гиблое место на краю города Архангельска повидало множество казней. Там в гибельных рвах покоились жертвы революций, контрреволюций, экспроприаций... Ненасытные оружейные дула метили во лбы и затылки рядовых и генералов, православных и богохульников, богачей и нищелюбов... Вина была общей для всех: одни имели наглость, другие — неосторожность, третьи — смелость выступить против власти.

Случалось, организовывали и массовые казни. На баржах, на которых в добрые мирные времена перевозили всякие товары — уголь, сахар, муку, дрова, кирпич, доски и прочее, топили приговоренных без лишнего шума и траты патронов. А прежде обреченным на гибель объявляли, якобы их перевозят, допустим, на Соловки... Такая вот «прогулка» до места своей гибели. И «белые», и «красные» использовали этот тихий несуетный способ избавиться от людей. А студёные северные воды покорно принимали всех...

* * *

В конце сентября 1919 года холодным утром всех обитателей дома терпимости в количестве семнадцати человек погрузили в стоящую на приколе у грузового причала Бакарица тяжелую деревянную баржу.

Обреченным сказали, что их будут переправлять на левый берег Двины. Зачем? А о том умолчали. Женщины, вымотанные, с

утра не евшие, еле передвигались, уже догадываясь, что ничего хорошего их не ждёт. И всё же полной ясности не было, над людьми висела тревога.

Баржа была старая, со дна подгнившая, но пока что на воде стояла уверенно, хотя и с чрезмерной осадкой. Раньше скорее всего использовалась она для перевозки пищевых отходов, потому как внутри корпуса смрад стоял страшный. Сверху, на потолке, во всю его длину зияли щели. Сквозь них к полу устремлялись лучи дневного света, белесыми полосами окрашивающие спины и бока прижавшихся друг к другу людей, отчего весь низ внутренней части баржи напоминал огромное, медленно шевелящееся животное. С места не трогались — кого-то ждали. Женщины уже начали стонать, и этот стон всё усиливался.

Наконец прибыла другая партия обреченных — то были девицы из ещё двух домов терпимости. Похоже, многие знали друг друга, но радости от встречи никто не выказывал. Их буквально затолкали внутрь баржи. И они стояли, покачиваясь от толчков, следующих со всех сторон, мрачные, угрюмые, с растрепанными волосами, сдавленные телами других несчастных женщин в этом удушливом аду.

Среди них была и Граня. Она с трудом протолкалась в самый угол трюма, села там прямо на пол, потому как ноги её подгибались от усталости.

Кругом выли женщины, случались и стычки. Женщины, еще вчера отплясывающие в публичных домах, веселящиеся, беззаботно возлежащие в мужских объятиях, сегодня на этой грязной барже царапали друг другу лица, выли, бились локтями, чтобы хотя бы на сантиметры увеличить себе жизненное пространство и сделать плоток воздуха.

Вдруг резко засвистел буксир, к которому была привязана баржа, и дал ход вперёд. Люди дёрнулись взад и вперёд и наконец замолчали в тревожном ожидании. Куда везут их? Зачем? Что их ждёт? Надежды на лучшее уже умерли. Все уже были наслышаны о коварстве и изверствах новой власти.

Женщины на барже попритихли. Ничтожно малым утешением было только одно: они куда-то движутся. Человек всегда воспринимает

движение вперед пусть как крохотную, но надежду, так уж повелось...

Баржа, скрипя и постанывая, двигалась против течения Северной Двины. В невыносимом ожидании прошло минут сорок. И вот нелепое это судно остановилось посреди воды. До берега ой как далеко. Наступила тишина, тревожное молчание, от которого исходила некая угроза. Люди застыли в неизвестности.

Вдруг среди людской толпы раздался раздирающий души не то визг, не то ор самой высокой тональности. Но даже этот истошный крик не заглушил стука чего-то тяжелого, колотящегося о борт баржи. Многие поняли, откуда этот стук. То был стук топора, прорубающего ниже ватерлинии боковую стенку судна. И вот все вынужденные пассажиры баржи заорали единым безумным хором. Обреченные понимали, что баржа с пробоиной долго не продержится на поверхности, начерпает воды и потонет. Их хотят утопить! Женщины начали метаться в панике. Началась предсмертная вакханалия. А вода уже поступала... и вот она уже текла по ногам.

Крестьянские люди более приспособлены к выживанию в тяжелых ситуациях. Из таких и была Аграфена Калинина, устроившаяся на полу в тесноте. Из первых сообразив, что баржа вот-вот пойдёт ко дну, она растолкала всех поблизости, чтобы подняться на ноги, огляделась. Надо было найти выход, чтобы попытаться покинуть судно.

На бортах и в днище выхода не было, да и не могло быть. Выход надо искать только сверху. Граня цепким глазом провела над головами. Нашла! На потолке имелся люк для спуска в трюм всякого груза, который был прикрыт старой дырявой парусиной. «Вот он, шанс!» — поняла Граня. Если встать на какой-нибудь небольшой чурбачок, то она, наверное, достанет до того лючка... Только где взять его... такой чурбачок? Зырк глазами туда, зырк — сюда. Не видать нигде никакой подставочки... И тут её осенило!

— А ну-ко, подруга, хошь не сдохнуть тут? — толкнула она в бок стоящую рядом молодуху с потухшими глазами.

— А чего делать надоть? — сверкнула та глазами, и лицо её засветилось робкой надеждой.

— Раком становись, — велела Граня.

— Как это? Зачем?

— Ты чего, ополоумела?! — тихонько ругнулась Граня. — Забыла?! Вчерась ишше становилась перед клиентами. Давай быстрее уже, вода приступат.

Молодуха, толкнув спины вокруг, опустилась на четвереньки. Тогда Граня встала ей на спину. Она протянула вверх руку, просунула в дыру на брезенте два пальца и дёрнула на себя, сорвав полотно с люка, затем поднялась на цыпочки и откинула наружу сам деревянный люк.

— Теперь выдыхай меня! — скомандовала молодухе.

Ещё мгновение, и с усилием Граня выбралась на палубу, а там никого не было. Тогда Аграфена просунула правую руку в люк, опустила настолько, чтобы её спасительница смогла зацепиться. Что было сил Граня держалась за опору и рывком вытянула молодуху наружу. Теперь обе были на свободе.

Им можно было бежать, но снизу на них глядели умоляющие глаза.

— Повторяйте, как мы сделали! — крикнула Граня в люк.

И сразу еще кто-то встал на четвереньки, кто-то начал карабкаться вверх... Они помогли первым двум беглянкам выбраться на палубу. Путь был проторен.

До дикого берега Двины было метров сто пятьдесят.

— Плавать-то умешь? — спросила Граня молодуху.

— Умею, да худо, — честно ответила та.

Граня огляделась, заметив на палубе огрызок доски, схватила его и протянула напарнице. Теперь и она доплывет: возьмется за доску и будет ногами шевелить. А для Грани доплыть до берега — дело несложное: она родилась и выросла на море, потому хорошо плавала с детства.

Беглянки опустились в воду и стали плыть к суше. Когда обе были совсем близко от берега, Граня оглянулась. Корпус баржи оказался наполовину в воде. С той стороны доносились крики погибающих людей. Вокруг тонущего судна плавал карбас с двумя людьми, которые громко ругались и размахивали руками, — наверное, собирали сбежавших насельниц публичного дома. Но Граню и её напарницу им было уже не догнать.

Павел Григорьевич КРЕНЁВ (ПОЗДЕЕВ)

родился в деревне Лопшеньга на Летнем берегу Белого моря.

*Окончил Ленинградское Суворовское военное училище,
факультет журналистики Ленинградского госуниверситета,
аспирантуру Академии безопасности России.*

*Кандидат юридических наук,
член Союза писателей России.*

*Долгое время состоял на военной
и государственной службе России на высших должностях,
являлся сотрудником Администрации Президента РФ,
был полномочным представителем Президента России
в Архангельской области.*

Лауреат всероссийских литературных премий.

